КАКОЙ ТЕАТР НАМ НУЖЕН

Читательские раздумья накануне съезда партии

НЕДАВНО Челябинское отделение ВТО разработало анкету. На вопросы отвечали рабочие, интеллигенция, студенчество.

«Какие темы вас больше всего увлекают в театре?» — спрашивает анкета. Подавляющее большинство зрителей отвечает — современность.

«Современность, где показаны герой и время», — пишет 30-летний сталевар. Другие говорят: «Революционные темы и современные героические».

«Не просто о людях, а о лучших людях, об их любви и борьбе» (28 лет, химик). «О сильных, волевых характерах, о романтике жизни, о глубоких жизненных конфликтах» (19 лет, копировщица). «Хочу увидеть пьесу о красоте и гармонии окружающего мира» (25 лет, конструктор). «Героику жизни, а не просто будни» (30 лет, технолог). «Тема возвышенности, силы и красоты человеческой личности» (25 и 29 лет, конструкторы).

«Интересуют вопросы принципиальности и внутренней цельности человека в больших делах и быту. После спектакля много думаешь и постепенно с героев переходишь на анализ своих поступков в жизни. Театр помогает не как справочник дежурных ответов, а как катализатор собственных поисков. Хорошо, когда в основе пьесы лежит реальное ощущение прекрасного! А где пьесы о сильных людях, о настоящих, сильных чувствах?» (26 лет, металлург).

А вот что пишет 18-летняя фрезеровщица: «Театр должен облагораживать, учить жить. Хочу видеть таких героев, чтобы стали любимыми, как Корчагин. Ведь у нас сегодня нет «героев нашего времени» на сцене».

А ее сверстница пишет: «Мне всего 17 лет, и в любом произведении я ищу ответ на вопрос «как жить»? Очень люблю Шекспира. Хотела бы увидеть пьесу о наших современниках, написанную так же страстно, как это умел Шекспир».

Всех, кто любит театр, тревожит сегодня тот факт, что у нас мало пьес героического звучания, написанных на материале сегодняшнего дня, пьес, способных увлечь зрителя окрыленностью своих героев. Окрыленность, на наш взгляд, свойственна не просто хорошим людям, а крупным личностям, увлеченным большой идеей. Таким людям присуща душевная страстность, и в их жизни далеко не все идет гладко потому, что они не умеют отсиживаться в кругу пусть нужных, но будничных дел. Они рвутся вперед, а это значит готовы дать бой рутине, всему отсталому, вчерашнему.

Именно эти качества героя — в традициях нашего советского театра.

Шла гражданская война — борьба за жизнь молодого государства. На сцене появились новые люди, которые переделывали жизнь и самих себя. У них были горячие души! Сдержанность иных характеров была результатом железной воли. Герои «Первой Конной», бесстрашные, удивительные люди из «Бронепоезда 14-69»... В ореоле революционного пламени из жизни на сцену шагали герои драматургии 20-х годов.

В 30-е годы в наших театрах продолжают неустанные поиски героического. Тема утверждения бескорыстного подвига становится ведущей.

Теперь герой создает «чудесный сплав», открывает секрет стали в «Поэме о топоре» и строит заводы, как инженер Гай, которого Погодин гениально назвал «Мой друг».

Давайте вспомним хотя бы, как назывались пьесы этого периода: «Ярость» (Яновский), «Жизнь зовет» (Билль-Белоцерковский), «Слава» (Гусев), «Оптимистическая трагедия» (Вишневский). Драматургия жила так же пламенно и революционно, как вся страна.

В драматургию вошел замечательный образ В. И. Ленина, воплощение тех высоких человеческих качеств, которые выковала в своем горниле Революция. Погодинский Ленин — это и боец, и трибун; рядом с ним загорается всякий.

Грозные сороковые годы позвали на фронт. И драматургия немедленно откликнулась на этот призыв. В строй, как солдаты, становятся «Русские люди» К. Симонова, «Фронт» А. Корнейчука, «Нашествие» Л. Леонова, «Песнь о черноморцах» В. Лавренева. Это были пьесы о несгибаемости народа. Их сразу принял зритель, потому что в них действовал, умирал, побеждал он сам.

И после окончания войны тема эта волновала драматургов, — теперь это была тема ответственности перед памятью тех, кто не вернулся. Об этом писали Симонов и Арбузов, Лавренев и Штейн, Розов и Алигер...

Мы не хотим, чтобы создалось впечатление, будто мы упрекаем сегодня драматургов в незнании жизни, невнимании к современному человеку. Отнюдь нет. Но в последние годы, изображая наших современников, мы жадно ищем тонких психологических нюансов, благородной сдержанности переживаний, ищем и находим и почему-то порой считаем, что лишь эти поиски должны определять драматургию сегодняшнего дня. Такие пьесы — и отличные, к слову сказать, пьесы — есть и у Арбузова, и у Розова, и у Алешина, и у других драматургов. Авторы сумели углядеть глубокие и очень тонкие процессы духовной жизни своих героев. Нужны эти пьесы? Да. Интересны они? Конечно. Посмотрит зритель спектакль и унесет в душе что-то хрустально-чистое, хрупкое, но... подчас неопределенное. Поговорил с ним автор по душам, этак вполголоса, при мягком свете настольной лампы. Поймет ли зритель его доверительный полушепот? Зритель теперь умный, интеллигентный, если и не сразу поймет, пусть думает. Все это верно, не спорим. Но яркий взрыв еще нужнее. Назовите пьесу из сегодняшнего репертуара наших театров, которая могла бы увлечь зрителей силой страстей, звонкой радостью утверждения нового, пьесу, в которой бушевал бы ветер века?

Жизнь ежедневно, ежечасно являет нам примеры удивительной талантливости и духовного величия народа. Гигантскими шагами идет вперед наука, появился совершенно новый тип ученого — человека, на удивление бесстрашного в поисках. Творчество, которое прежде считалось уделом избранных, становится нормой жизни сегодняшнего рабочего и крестьянина.

Нас, работников театра, давно манит мечта воплотить на сцене именно такие образы, но для осуществления этой мечты у нас почти нет пьес.

Можно снова и снова перелистывать страницы произведений русской и советской классики, стараться прочитать их с позиций сегодняшнего дня. Их-то, классиков, никогда не исчерпаешь до конца. Но современность требует новых пьес, а жизнь ставит новые проблемы, которые, увы, не находят отражения в театре.

Мы живем в такое время, когда перед рядовым человеком ставятся проблемы, за решение которых он не брался прежде. У нашего современника вырабатывается сознание, что он, именно он, а не кто-то за него должен решать все самые острые, самые сложные вопросы, выдвигаемые эпохой. Такая нагрузка не по плечу человеку слабому, нерешительному, робкому. Воспитывать в нашей молодежи отвагу, мужество, ощущение романтики труда и подвига в труде — и наша цель, цель театра.

Красота поступков, поэтичность и возвышенность чувств — то, что когда-то Пушкин и его друзья называли «души прекрасные порывы», — почему-то иной раз уходят из нашего обихода. Больше того, их стесняются, стараются спрятать, прикрыть романтику отношений и помыслов скептическим юмором и напускной сдержанностью.

Но ведь у молодежи извечна тяга к прекрасному!

Не раз на зрительских конференциях, как только таял ледок робости, раздавались горячие голоса в защиту романтики. «Сильные чувства и выражать надо звонко, — говорил преподаватель техникума, — должен появиться в искусстве такой вожак, чтобы не только ярко жить, но и ярко чувствовать молодежь научил!».

«Очень хочется увидеть на сцене такую молодежь, таких людей, чтобы учили силе человеческого духа... Очень хочется видеть в деле и в любви по-человечески великих людей», — сказала молодая воспитательница интерната.

Вот и нам хочется вызвать в человеке такой подъем чувств, такой душевный настрой, чтобы захотелось ему жить крещендо! Форте! Фортиссимо!

Вопрос о романтическом театре, о его насущной необходимости теснейшим образом связан и с проблемой воспитания актера. Иные из них еще мало и лениво учатся у жизни. Чтобы молодой актер не стал верхоглядом (а это страшная опасность в театре), надо его с первых шагов на сцене приучать жить ярко, смело: любовь — так любовь, а не любвишка; принципиальность — действенная; ненависть — непримиримая.

Обсуждая круг пьес, постановку которых мы хотели бы посвятить 50-летию Октября, мы остановились на пьесе Штейна «Между ливнями». У нас было много претензий к драматургу, но в целом пьеса привлекла нас суровой, бескомпромиссной героикой. Так родился в Челябинске спектакль «Между ливнями».

Пьеса «Семья» И. Попова адресована молодежи, подросткам. Она дала нам возможность рассказать о несгибаемости характеров, о любви к людям, умении жертвовать во имя высоких идеалов всем, даже жизнью.

Творческая дружба связывает наш театр с драматургом П. Строговым, который работает сейчас над увлекательным историческим материалом. В. И. Ленин высоко ценил энтузиазм и организаторский талант французской революционерки Жанны Лябурб. Жанна Лябурб стала одной из героинь пьесы Строгова. Пьеса еще в работе, и пока рано говорить о ее достоинствах, но театр надеется, что это будет произведение героико-романтическое, глубокое по своей проблематике.

Но это героика прошлого. А сегодняшний день?

Театр давно думает о произведении, которое было бы кровным, родным для уральцев и ставило бы крупные общественные проблемы. Мы мечтаем о пьесе, героем которой был бы рабочий коллектив — люди, сильные своей дружбой, любовью к творчеству, интеллигентностью.

Спросите у актеров, кого они мечтают сыграть. Ответ будет примерно таков: «Страстно хочется сыграть своего современника, человека сильных чувств». Один актер ответил на этот вопрос так: «Я бы хотел играть Шекспира наших дней». Не та же ли мечта волнует и семнадцатилетнюю фрезеровщицу?

Б. САПЕГИН,
главный режиссер — руководитель Челябинского театра драмы.

М. СТУЛЬ,
зав. литературной частью театра.

ЧЕЛЯБИНСК.

Сов. культура, 1966, 19 янв.